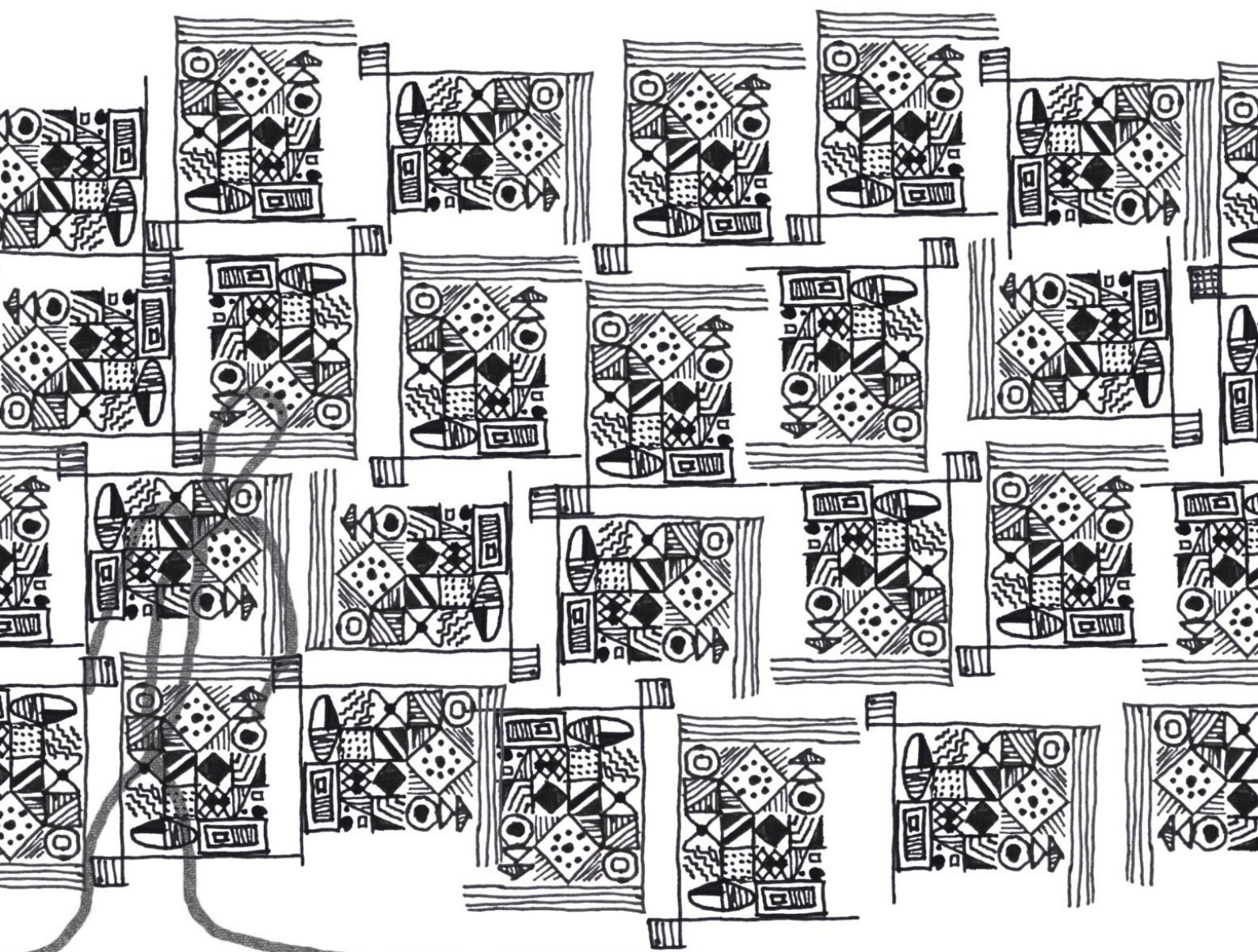

АДЕКВАТНОСТЬ

в 24 главах

МАРАТ МЕЛЬНИК

Марат Мельник

Адекватность

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мельник М. К.

Адекватность / М. К. Мельник — «ЛитРес: Самиздат», 2017

«Исповедаться, уйдя в себя... Я не сумасшедший, но... Да, это всегда чревато... Впрочем, как иначе понять, что есть одиночество, страдание, несправедливость?.. Это моя адекватность». Главный герой обнаруживает себя заблудившимся ночью посреди дороги, окруженный тишиной нескончаемых полей вокруг. Не помня, как он здесь очутился, он продолжает отвлекаться от дороги воспоминаниями своего детства, навеянными пейзажами за окном, как однажды провел лето в деревне, пока не замечает одиноко стоящий вдали дом. Незнакомке, живущей в том доме, он доверяет самое сокровенное, на ощупь пробираясь по пути к своему главному открытию и озвучивая тревожащие его мысли. Впервые испытал настоящее спокойствие, герой задерживается на дольше, чем мог предположить, излечиваясь, как ему кажется, душевными разговорами. Он не задается лишь вопросами, почему судьба завела его в эти края и как суметь сохранить пережитое чувство. Вероятно, жизнь готовит его к новому испытанию? О ценности разговоров, излечении беседами; о поиске утешения, умиротворения; о доверии сокровенного незнакомцу; о крике потерявшейся души; об отрицании общества, навязанных стандартов, логических решений; об относительности реальности и сумасшествии.

© Мельник М. К., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог	6
1.	8
2.	11
3.	13
4.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нуждающимся.

Пролог

Знаете, я не раз по себе замечал, когда приходит ночь, человек становится другим. Вполне вероятно, перемены эти столь незначимы, что даже не всякий может распознать их в себе. Мне кажется, ночь заставляет чувствовать себя живим, в то время когда все, пожалуй, спят. От этой мысли я испытываю слегка будоражащее волнение – вероятно, в организме происходят сложные процессы, порой выброс адреналина.

Довольно угнетающая картина. На улице было то самое время суток, когда без часов не разобрать, стемнело ли только или скоро будет светать. Небо было затянуто – об этом можно было легко судить, так как тьма была кромешная. В этих краях при лунном свете или даже просто при ярких звездах не сбиться с пути. Я не уверен, как должным образом назвать эти несколько домов вдоль дороги. Да и разве современный человек смог бы назвать оставшийся след автомобильных колес на земле дорогой? Мне нравится называть эти места деревушкой. Для человека среднего роста открывается одна картина – вокруг лишь бесшумно колеблется растительность полей. Где-то вдали пейзаж искажается розовыми горами, да и те находятся, кажется, так далеко, что их не стоит причислять к этим краям...

*Сон этот столь сладок,
что я готов был признать свою слабость,
уснув раз – не проснуться,
приняв другую реальность.*

*Нет нам спасенья, душа оголена –
знаю, сам тому виною я.
Боюсь, мне вещий сон во сне приснился.
Я был уже один, на том же месте во вселенной.*

*Тревога овладела мною,
И опьяневший чувствами, как от вина,
я знал, я видел свысока –
ночь, теплые огни, туман, стелящийся к утру.*

*Я слышал звон –
как тот, что людям счастья на санях развозит,
разрезая небо пополам.*

*Мне он сулил печаль, оттенки страшной грусти.
Что сделал я, как я остался сам?
Всеми виною я.*

*И вот он я – теперь не я. На тех же санях,
я словно новогодний шар, в себе хранящий тайны.
Нас много там, но я один живой –
любил и все еще люблю.*

*Мое холодное стекло так бережно хранит уютную картинку –
фигурки нас бывлых, застывшие навеки.
И вновь все как наяву, я знаю точно, я смогу –*

забравшись высоко, в преддверьях жизни, я заслужил на смерть лишь.

*Я нахожу спасенье –
лишенный сил, я вырываюсь и устремляюсь вниз.
Тишина, покой, я слышу звуки скрипки –
и вот теряются они.*

*Свободное паденье –
казалось, жизнь была короче;
морозный ветер отрезвляет,
охладевает грудь, спина.*

*Я знаю, недалеко уже земля –
небо устремляется все прочь от меня.
Вина моя неискупима, лишь там внизу –
земля избавит меня от мук.*

*Готов, бери, уж вовсе близок я,
уж нет в душе следов тревоги.*

*Нет, не сумею мне обмануть тебя;
лишь только я поверю в это –
могучая медвежья лапа окажет мне услугу.*

*Хватает и терзает – мучает меня,
от боли не вымолвлю я большие слова –
того, что подарил мне миг.*

1.

Я бы с трудом мог назвать себя ребенком каменных джунглей, но большую часть своей осознанной жизни я провел именно в городе. В памяти лишь смутно всплывают картинки, как будучи детьми, мы с моими братом и сестрой, провели почти все лето у тетушки, маминой сестры. У родителей тогда были финансовые проблемы, им трудно было справиться с тремя детьми, двое с которых были подростками, к тому же на самом пике переходного возраста.

В нашей семье без сомнений обитает любовь, но как в любой нормальной семье ссоры неизбежны, как неизбежны черные полосы в жизни. Тогда это был тот самый период, когда все, казалось, шло не должным образом. Родители решили, что нам может пойти на пользу лето в деревне – свежий воздух, единение с природой, отсутствие городской суеты и нажитых дома проблем. Это были основные аргументы. В чем я уверен точно, это не был повод избавиться от нас, просто на то время это действительно был лучший вариант, и в глубине души каждый это понимал, пусть даже со стороны все выглядело не так перспективно.

Тогда родители вспомнили о дальней родственнице. Пожалуй, все было наоборот, сначала они вспомнили о нашей тетушке, а уже затем появилась мысль отвезти нас к ней. Проблема заключалась в непростых отношениях сестер: моя мама никогда прежде и более не говорила о нашей тетушке Джил подолгу. Ей лишь отводилось должное внимание, которое следует уделять дальним родственникам. Не дальней по счету родственной связи, а по дальности проживания от нашей семьи, к сожалению. Такое внимание предусматривает рождественские открытки, поздравления с днем рождения, днем независимости и не более того.

Отношения двух сестер не были напряженными, просто со временем они отделились друг от друга, и общие темы и интересы постепенно пропали, как угасла родственная связь. Тетушка осталась в родительском доме, моя мама же уехала к западному побережью, о котором мечтала долгие годы своей молодости.

Семья их жила бедно, содержала небольшой дом, трудились все по хозяйству. Другого выбора практически не было, так как до ближайших даже небольших городков было трудно добираться. Две молодые девушки вечерами строили планы и мечтали о том, как они хотят, чтобы сложилась их жизнь в будущем, однако уехать с дому не позволял ряд мелких проблем, которые в конечном счете сливались в непреодолимую занавес. У семьи не было денег, кто-то должен был помогать по хозяйству, да и чем заниматься в городе без образования, «уж лучше работать на себя в своем доме» (эта фраза звучала все чаще, тем самым теряя к себе расположение домочадцев) – в большей степени все упиралось в финансы, но отчасти мешало чувство долга. Родителям, в первую очередь. Да и всякий раз, когда засыпая, кто-то с детей представлял, как они уедут с дому, они испытывали досаду и даже ностальгию по родным местам.

Мне не известны подробности, но я знаю, что после потери своих родителей – вначале смерти отца, а затем и матери, – две молодые незамужние девушки, двадцати трех и двадцати пяти лет остались одни. И, кажется, они обе понимали, что уедет только одна, слишком велико было чувство долга – кто-то должен был сохранить дом, оставшись в тех местах, где они выросли.

Моя мама покинула родные места, не имея ни гроша, устроилась официанткой, встретила моего будущего отца, успешного бизнесмена, и они создали новую семью. Тетушка Джил же осталась в деревне. Наверное, то самое напряжение или чувство чьей-либо вины, каждый раз повисшее в воздухе, когда речь в нашей семье заходила о тетушке, заставляло мою маму считать себя виноватой в том, что Джил осталась одна. Но как всегда все решили конкретные обстоятельства и конкретное время. На самом деле, Джил могла уехать точно так же, они бы могли справиться со всем вместе, но тогда она встречалась с молодым парнем, отношения с

которым стремительно развивались, казалось, в нужном направлении. Потому в случившемся – а в итоге, Джил осталась одна, когда тот самый парень бросил ее, – нельзя винить кого-либо. И все же моя мама знала, что ее сестре тогда требовалась поддержка, которую она была не в состоянии оказать.

Размышления об одном и том же по кругу не приводило ни к чему, кроме как к смирению и сожалению о случившемся. Человеку иногда легче забыть, даже вычеркнуть кого-то из своей жизни, чтобы тревожащие мысли не сбивали с толку. Потому сложилось так, что мы не навещали нашу тетушку, а у нее самой не было достаточно денег добраться до нас, преодолев расстояние в тысячи миль. Так родные сестры стали дальними родственниками, подавляя в памяти общее прошлое, и стараясь жить новой жизнью.

К своим двадцати двум годам я видел свою тетушку лишь единожды, и тогда мне было не больше десяти лет, потому любые воспоминания больно нечеткие, лишь смутно встают какие-то образы, застывшие мгновения, которые ничего с себя толком не представляют, но каким-то образом впечатлившие меня на подсознательном уровне и оставшиеся со мной по сей день. Родители привезли нас с братом и сестрой на целое лето к Джил, и больше мы никогда не виделись с ней. Разумеется, они с мамой продолжали созваниваться и мне при удобном случае давали трубку передать «привет», свои поздравления, пожелания и что-то в том же духе. От этого я чувствовал себя весьма неловко. Ведь я мог бы проявить желание и позвонить сам в любое время (а уж после поездки к Джил все как один сошлись во мнении, что я понравился тетушке больше своих брата с сестрой – да и уж считается ли это таким большим открытием, если учесть, что я был самым младшим?), но вновь, иногда человеку легче вычеркнуть кого-то, чтобы мысли не тревожили попусту.

Я ощущаю, то лето оставило весомый след. Я знаю, потому что проникся жизнью в деревне, я был совсем ребенком и целыми днями слонялся без определенного дела, но все с каким-то новым для себя открытием. Мои же брат и сестра, будучи старше меня, когда несущественная разница в шесть-семь лет в возрасте со мной казалась непреодолимым барьером, проводили со мной совсем немного времени, постоянно совершали какие-то выходки, но тетушку они совсем не сердили, она была рада провести с нами время. Кажется, такое лояльное отношение и любовь тетушки еще больше злило брата с сестрой в их переходном возрасте, добиравшихся совсем иной реакции – «революционерам мир не нужен!»

Что же касается меня, я был совсем еще небольшим, чтобы проявлять свой характер, который дал о себе знать гораздо позже. Мне понравилось проведенное время в деревне.

Мне показалось странным, что я раньше не рассуждал так о том лете. Я, конечно, не был равнодушен к природе и любил деревню, но меня никогда по настоящему не тянуло к такой жизни. Похоже, отпечаток тех летних деньков оказался куда более глубоким в моей душе.

Хотя зачем мне обманывать себя самого, с момента поступления в университет я только и думаю о той спокойной жизни, возможной только в деревне. Скорее всего, я не задавался вопросом, откуда у меня такие мысли, подразумевая, что ответ мне очевиден. Я поступил в университет, и мне пришлось уехать от родителей, столкнулся с первыми трудностями, которые мне было решать своими силами. Пожалуй, все случилось слишком быстро. Я поступал так, как требовалось по обстоятельствам, не отдавая отчет, с чем мне придется столкнуться. Я просто шел к своей цели – поступлению в высшее учебное заведение. Затем был переезд от родителей с дому через половину материка. Когда я осознал, где очутился, оставалось только оглядеться, и лишь с недоумением задаваться вопросами о быстротечности времени. Мне все реже удавалось уснуть, и каким-то странным образом я нашел себе утешение деревенской жизнью. Конечно, насквозь пропитанный городом я бы не смог жить в деревне, но желание уехать на какое-то время разрасталось во мне. Мысли о такой размеренной жизни успокаивали меня.

Я снова свернул куда-то с трассы, и в который раз мысленно отругал себя, что не подготовился к поездке лучше. На этот раз я превзошел самого себя – я оказался не просто на пустой

трассе, а уже практически на голой земляной дороге. Поглощенный мыслями о деревенской жизни и замороженный местностью вокруг – полями, горами и бездонным небом, – я очутился уже весьма далеко от трассы, чтобы понять, что вокруг ни души, помимо моей.

Не скажу, что стало жутко остаться одному ночью посреди полей без единой звезды на небе под слоем густых облаков. Не по себе стало от того, что свет фар терялся во мраке. Кажется, свет перестал мне освещать дорогу, он лишь засвечивал глаза и не давал увидеть всего вокруг.

Я решил, будет разумно сделать остановку, пора бы немного передохнуть. Заглушив двигатель и выключив свет, я подтвердил свои догадки. Без света было видно куда лучше, перед глазами открывался весь горизонт. Вот так ирония, нужно бы запомнить это. Мелькнувшая мысль породила сильное желание закурить сигарету, я знал, что не смогу себе отказать. Я мог еще курить, меня никто бы не засек!

Я не спеша вышел с машины и, не закрывая водительской двери, оперся локтями на крышу автомобиля, зажег сигарету. Всего лишь на миг пожалев о своем поступке, я тотчас откинул сомнения и продолжил затяжку. Перед выездом я обещал себе не курить в пути, но обманывая себя самого, я пожал плечами: «ничего не поделать, уже зажег».

2.

Устроившись поудобней на капоте своего автомобиля и скрестив ноги, я сделал затяжку посильнее, и никотин здорово ударил в голову, отчего во всем теле возникла слабость и появилась слегка заметная дрожь в пальцах. С самого общежития, как я выехал с утра, я держался без сигареты, наверное, потому она, первая за день, так удачно расслабила меня. Я не придумал ничего лучше, чем опереться спиной на лобовое стекло и устремить взгляд в небо. Было такое чувство, будто я хотел там что-то увидеть, но оно было прочно затянуто темными облаками. Задержав веки закрытыми несколько дольше обычного моргания, я вдруг уловил еле слышный писк комара, и провёл так несколько минут, стараясь проникнуться атмосферой дикой ночной природы, пока не распознал музыку где-то вдали на фоне. Я приподнялся и стал хорошенько всматриваться вдаль. Мне не показалось, дальше по дороге находился дом, едва освещенный тусклым светом уличного фонаря так, что у меня даже на мгновение проскочила мысль, издавал ли тот писк комар или это гудела нить раскалывания лампы на столбе. Впрочем, услышать бы ее было невозможно, дом был слишком далеко для этого.

Я не мог знать, как меня воспримут обитатели того дома, но раз они не спали в столь поздний час, я посчитал, что не случится ничего плохого, если я узнаю у них, куда забрел.

Подъезжая все ближе к дому, я слышал музыку все четче, и на моем лице скользнула улыбка, когда я окончательно убедился, что играла композиция Чарли Фетерса. Я еще больше проникся желанием однажды провести время в такой местности, расслабляясь под схожую музыку.

Последние пять метров на машине я приближался медленнее ходьбы, словно не хотел уделять силы такой мелочи, как вождение, пока все мое внимание было занято музыкой, доносившейся со двора.

Машина заглохла в нужном месте, а перед моим взором открылась потрясающая картина. Во дворе танцевала женщина, с изящно и непринужденно поднятыми кверху руками, вся ее фигура и движения тела завораживали. Глаза у нее были закрыты, и когда она повернулась ко мне так, что я мог рассмотреть ее лицо, она все еще не видела меня в машине у своего дома. Мне понравилась мысль, что я открыл для себя – она была удивительно красивой, что-то в ее виде было необычного. Она была не тощей, а скорее, просто худой, но это только притягивало. Длинные кисти, высокая шея, белые, будто припудренные, волосы, зачесанные назад и достигавшие своими кончиками лопаток на спине. Тонкая линия губ, аккуратный слегка вздернутый нос, узкий разрез глаз. Все в ее образе было необычным. Ей с виду было больше сорока лет, и она сразу мне понравилась.

На ее губах выразительно застыла улыбка, так что я бы не набрался смелости прервать ее, окликнув или тем более посигналив с авто.

Она вновь повернулась спиной ко мне, так и не заметив меня, музыка начала затихать и хозяйка дома подошла отключить проигрыватель. Я счел разумным выйти с машины, чтобы в тишине она смогла услышать мое присутствие, но так, чтобы не напугать ее.

Она обернулась и на ее лице по-прежнему оставалась та же улыбка, с которой она исполняла свой танец. Заметив меня, она лишь возвела брови и с приподнятым настроением заговорила ко мне:

– Простите, я слишком громко слушала музыку!

– О нет, что Вы! Я бы не решился прервать... Чарли Фетерса. – Я слегка погодил с именем исполнителя, сперва намереваясь сказать, что не осмелился прервать ее, но попросту постеснялся, поэтому адресовал комплимент записи.

Она, казалось, улыбнулась еще шире, испытывая явное удовлетворение от того, что мне понравился ее выбор музыки.

– Я похоже сбился с пути, водитель с меня никудышный – уже который раз за сегодня сворачивал не в ту сторону.

– Так Вы с далека?

– Достаточно далеко заехал, не знаю, чем я думал! С картой я не дружу – это выяснилось как раз в пути, старался ехать по указателям, но все равно съехал с трассы. Не помню, как очутился здесь... – я скорчил слегка наигранное лицо, подловив себя на мысли, что стараюсь выглядеть непринужденно, расслаблено, и более того я старался понравиться этой женщине, от чего испытывал легкое волнение.

Она внимательно слушала меня, немного подавшись всем своим телом вперед и раскрыв шире глаза. Затем ладонью правой руки взялась за пальцы левой, находясь как бы в замешательстве от услышанного – мне этот жест показался каким-то на удивление родным, и волнение постепенно улегчивалось.

Она дала мне договорить, но той паузы, которая обычно дается собеседнику, чтобы понять, что реплика окончена, не последовало. Она резко переменялась в позе, расставив руки запястьями по бокам, и приподняла голову, устремив свой изумленный взгляд в небо, произнесла:

– Как жаль... – сделала глубокий вдох, то ли чтобы продемонстрировать сочувствие без лишних слов, то ли просто испытал желание наполнить легкие свежим воздухом, любуясь ночным небом и тишиной, отчетливо порожденной шумом полей. Тишина стояла и впрямь завораживающая, пожалуй должный эффект был достигнут после умолкания приемника. – Знаете, при свете дня в этих местах очень красиво!

Она покосилась на меня, выжидая, как я отреагирую на ее слова.

– Похоже, я уделил излишнее внимания полям вокруг, – я улыбнулся. – Даже ночью здесь очень красиво, невероятно спокойно. Как раз размышляя об этом, я и не заметил, как далеко забрался.

– Что же, тогда Вы не откажитесь от чашечки чая.

– О что Вы, я не хочу доставлять Вам хлопот. Я услышал музыку, доносящуюся с дома, подумал, что могу узнать, где оказался... – Я начал тараторить, поскольку действительно не намеревался злоупотреблять гостеприимством, и начал было объяснять, почему остановился у ее дома, что будь сейчас не глубокая ночь, я бы не чувствовал себя так неловко, дерзко врываясь в чью-либо жизнь, и что я набрался смелости остановиться в такой час, только убедившись, что хозяева не спят, и... И речь могла бы продолжаться еще очень долго, пока женщина не перебила меня, усердно качая головой и словно отмахивая руками мои слова, как совершенно бессмысленные.

– Ну что Вы, не стоит оправдываться. Вы ни в чем не виноваты, я ведь бодрствую, прошу Вас, Вы доставите мне удовольствие своим присутствием. Не отказывайтесь, пойдемте в дом!

В любой другой похожей ситуации я бы все равно отказался, понимая, что мое присутствие принесет только неудобства, но слова ее звучали крайне искренне, так что я с удовольствием принял приглашение. Она была незнакомкой, но то, как искренне она говорила, сразу расположило меня к ней, хотя в данной ситуации я скорей бы должен был волноваться о произведенном впечатлении. Порой друзья не с такой охотой пригласят к себе в гости, как это сделала она.

Все это время мы разговаривали на необычном для диалога двух людей расстоянии. Я не отошел от машины больше пары шагов, тем же самым привнеся твердости в свои слова о намерении не вторгаться в ее личное пространство. Она же находилась метрах в пяти от меня, практически посередине двора. Она жестом пригласила меня войти – так иногда подзывают к себе маленького ребенка. На удивление это придало мне смелости, и все же я неловко, даже смущенно, но послушно, зашагал к ступенькам крыльца.

3.

Изнутри дом оказал на меня еще большее влияние, в голову здорово ударил колоритный запах воздушной смеси с ароматов скошенной травы, несколько отсыревшего дерева и даже плесени. Внутри было очень мило и еще спокойнее (я с восторгом отметил для себя, что ошибся, когда подумал, что спокойствие, царящее вне дома, можно было принять за эталонное).

С маленькой прихожей мы сразу двинулись на кухню.

– Джеки.

Она представилась, пока мы разувались с улицы. Манера, с которой она сделала это, сразу бы оставила на ней клеймо в любом большом городе. «Она явно выросла здесь и живет всю свою жизнь». Она старше меня в два раза, но не сочла необходимым представиться полным именем. Жаклин, Дженнифер, Джозефин. Мне это показалось хорошим знаком, и в ответ я решил не уточнять, сокращением от какой формы было Джеки. На мгновение мне даже стало стыдно, что в моей голове возникли подобные мысли, и осознал, что на мне также клеймо, только противоположного плана. Жизнь в деревне мне бы точно пошла на пользу.

Кухня была весьма небольшой, но не казалась таковой за счет того, что переходила в большую комнату, и была отгорожена от последней только обеденным столом, стоявшим у стены одной половиной ножек еще в комнате, другой – на кухне. Если поставить еще один стул с противоположной стороны стола, против стены, то сидящий на нем человек загородил бы связующий комнату с кухней проход.

Вошли мы с прихожей, Джеки сразу поставила чайник и показала на тот самый стол, чтобы я мог сам выбрать, с какой стороны устроиться. Я выбрал половину, находящуюся в комнате, чтобы, во-первых, не занимать без того малое пространство кухни, а во-вторых, не оказаться спиной к хозяйке дома. Со скромным интересом я прошелся глазами по обстановке комнаты, она оказалась больших размеров, так как заворачивала еще за угол. Решив не демонстрировать избытка интереса, я сделал лишь шаг в сторону, куда уходила комната, но не достаточно большой, чтобы разглядеть все за углом. Впрочем, я не был воспитан так, чтобы злоупотреблять гостеприимством, так что с легкостью преодолел неведенье.

Она заговорила первой после небольшой паузы, необходимой человеку, дабы комфортно устроиться за столом.

– Я заварю нам чай, кофе окажет ненужное влияние на организм в такую пору. Вы давно уже в пути?

– С самого утра, не помню точно, во сколько выехал.

– Так много?! – Она не на шутку перепугалась за меня, сделав ударение на оба слова. – Вам нужно отдохнуть, нельзя столько времени проводить за рулем, к тому же уже ночь.

– Да, Вы правы, конечно. Но я вовсе не чувствую усталость. Я останавливался несколько раз по пути в придорожных кафе, чтобы перекусить и набраться сил.

– Все равно здоровье нужно беречь, не стоит тратить все силы на дорогу! – Это были обычные слова, почти стандартные для такой беседы. На ее месте другой бы произнес в точности то же, но только ее слова казались живыми, наполненными каким-то смыслом, в отличии от пустых шаблонных фраз, так что мне даже стало стыдно за свой поступок.

Я промолчал, лишь сжав несколько губы, – все уж лучше, чем оправдываться.

– Так куда, Вы говорите, держите путь? – ее голос стал несколько выше от смены темы, она не стала продолжать отчитывать меня за безответственное отношение к своему здоровью.

– О, я еду домой, к родителям, уже давно их не видел! – Я заметно оживился, от чего Джеки тоже, казалось, расцвела. – Думаю ехать еще столько же, – добавил я.

Она стояла у плиты, опершись спиной на столешницу и скрестив руки и ноги. Я сам часто принимал подобную позу, и, пожалуй, будь бы я на ее месте, я принял бы точно такую же позу. «Значит, не все потеряно для меня, я не так много отличаюсь от деревенских» – мелькнуло в голове параллельно нашей беседе.

– Домой на праздники? Как замечательно! Вы учитесь?

– Да, пошел второй год. Этот семестр начался еще летом, с тех пор я не был дома. Тогда я провел только месяц дома, и уже тянет невероятно! Последнее время все мысли только о том, как будем встречать Рождество! Соберется вся семья, приедут брат с сестрой! – я рассказывал с неприкрытым восторгом, Джеки понравилось услышанное.

– Вы уже нарядили елку к празднику? – я обернулся, словно мне нужно было осмотреться, хотя был точно уверен, что в комнате нет дерева, разве что за тем самым углом, что не давал мне покоя.

– Нет, как видите. Спешка ни к чему. За елкой нужно ехать в город, я пока все откладываю.

– Но уже меньше недели! Так могут разобрать все самые лучшие!

– В свою защиту могу сказать, что никогда не выбирала елку по ее внешнему виду. Мне становится тревожно от мысли, что некоторые деревья могут так и не исполнить своего предназначения просто потому, что не удалась внешне. В этом доме нечасто бывали симметричные ели. Так что чем позже я поеду за ней, тем больший выбор «таких красавиц» мне предоставят!

Меня это улыбнуло, на деле же я проникся этими словами.

– Вы столько жестикулируете! – не сдержался я, восхитившись.

– О, простите, это уже неконтролируемо. Вам мешает?

– Вовсе нет! – тут же возразил я. – Напротив, это даже симпатизирует. Мне самому часто говорили то же. Но мне не довелось встретить кого-то со столь же развитой жестикуляцией.

Чайник начал свистеть, громко требуя внимания к своей персоне, так что я тотчас поднялся и предложил свою помощь Джеки. Хотя это было не больше чем проявление манер, мне все же хотелось подсобить чем-нибудь.

Резкое движение напомнило о моей головной боли, так что мне даже пришлось на момент присесть обратно на стул, не удержавшись и обхватив всей ладонью поверхность лба, инстинктивно надавив на виски большим и средним пальцами, пытаясь остановить пульсирующую боль. Все случилось слишком быстро, так что Джеки не заметила моей слабости.

Я предложил расставить чашки в помощь, но она велела вместо этого достать печенье с верхней полки и варенье с нижней. «Не пить же один чай!» – ее точные слова.

Я было по привычке подался к холодильнику, когда искал варенье, как оно обычно хранилось в нашем доме, не найдя его на нижних полках. Но не рискнул заглядывать в него без одобрения хозяйки. Джеки поняла это, заметив, как я отдернул потянувшуюся к дверце холодильника руку.

– Там ничего нет, он все равно отключен. Должно быть, варенье где-то здесь... – Она присела и начала искать его на других полках за занавесью.

– Как же вы храните продукты? Может, я могу посмотреть его, если он поломался? – я знал, что вряд ли пойму что-либо в случае его поломки, но такого предложения от меня требовала ситуация.

– Нет, он просто отключен с розетки. Но спасибо! Продукты в погребе, остальные я буду докупать в городе, как окажусь там. А пока соблюдаю строгую диету, – Она отшутилась, но мы оба поняли все, поэтому не стали развивать эту тему.

Последующая беседа за столом, сладости, пряности и горячий чай сделали свое дело как нельзя лучше – я начал валиться с ног, глаза смыкались, и я начал заразительно зевать.

Наверное, часть мозга уже начала засыпать, ведь я бы не спросил следующего, находясь в чистом сознании:

– Вы одна здесь живете? Простите, я имел в виду... – сообразив, что задал слишком нескромный вопрос, начал было извиняться, опустив глаза.

– Все в порядке. Я сейчас одна, но жду сына, он скоро должен приехать! Майкл – так его зовут.

Она не стала говорить о нем больше, но то доброе выражение, принявшее ее лицо, дало мне четко понять, с каким трепетом и любовью она к нему относится.

– Мы с ним будем вместе наряжать рождественскую елку! – на ее лице показалась добрая улыбка, и глаза были потеряно устремлены куда-то в сторону от меня, стараясь отвлечься от собеседника и подольше задержать представшую и такую милую душе картинку.

Как все-таки здорово, что существует праздник, способный не только собрать всех родных вместе, но и с трепетом предвкушать каждый миг встречи. Меня тронула та ее фраза, ведь перед моими глазами стояла такая же картина – у многих украшение елки вместе исконно семейная традиция. Это еще один с тех пустяков, которому не придаешь значения, пока миг длится в настоящем, но который надолго остается в памяти, порой навеки.

Мы уже окончили чаепитие, и я знал, что мне следовало уезжать, не смотря на предчувствие, что Джеки предложит мне переночевать.

Вероятно, горячее содержимое моей чашки произвело ожидаемый эффект, так как я ощутил, как силы начали покидать меня, требуя долгожданного отдыха. Пульсация в голове, казалось, приняла нешуточные обороты, так что боль все больше походила на глубоко ноющую.

Как бы я не старался донести противоположное, все же мои глаза не могли не выдать моей настоящей усталости. Я поблагодарил за теплый прием и постарался звучать убедительно, насколько оставался в способности это сделать, когда произвел намерение покинуть место за столом.

– Только не пугайте меня, Вы же не собираетесь, в самом деле, садиться за руль?

– Не беспокойтесь, я вернусь на трассу и сделаю остановку для сна...

– Ну, уж нет, я не позволю Вам в который раз так пренебречь своим здоровьем, Вам следует отдохнуть, не стоит возвращаться в авто. Да и потом, одному Богу известно, сколько у вас займет времени найти что-нибудь приличное для ночевки, а лечь в машине я Вам дать не могу, меня замучают угрызения совести.

– Джеки... – начал, как того требует соблюдение норм поведения, возражать я, аргументируя неловкостью своего положения. Но даже тогда я понимал, что делаю это крайне неубедительно, вероятно все из-за нарастающей вялости организма.

Джеки принесла набор простыней и плед, мы вместе принялись застилать ними поверхность и спинку дивана в большой комнате. Мы продолжали о чем-то говорить, и речь снова зашла о сыне Джеки, на этот раз она довольно много и гордо говорила о нем, пока мы продолжали оборудовать диван ко сну. Все происходящее затем уже представляло собой замедленную и слегка расплывшуюся, будто я смотрел на все еще неумытыми ото сна глазами, картинку. Мне показали, в которой части дома расположена уборная, чтобы я мог воспользоваться ею при необходимости.

Джеки пожелала мне спокойной ночи, и я, сидя уже на диване и жадно впившись руками в поверхность дивана от всего распределенного на них веса тела, еще раз поблагодарил ее за заботу. Без того тусклый свет погас и я рухнул на постель.

Она чья-то мама, и, вероятно, видит во мне своего сына. Ей доставляют удовольствия эти хлопоты. По-моему, я впервые осознал, как приятно порой не получать внимание, а оказывать его кому-то.

Голова не переставала болеть, а скорее еще больше отдавала в виски. Я снова потянулся рукой ко лбу, закрыв горячей и потому потной ладонью свои глаза, но истощение сил было настолько велико, что по инерции я уже был неспособен избавиться от всякого рода мыслей, а

потому не смог уснуть сразу, как полагал, должно было случиться, как только бы я расслабился на чистых простынях, запах которых обычно сразу ввергает уставшего в гипноз сна.

Мысли то сплывались воедино, представляя собой четкую картинку, то вновь разбивались на тысячи никак не связанных единиц. Я долго рассуждал о том, что привело меня сюда, и что мне принесет этот опыт. Затем все мои мысли были поглощены бедностью, с которой приходится мириться миллионам людей – таким как Джеки. За что им подобные испытания? И все же они счастливы, остаются благодарны за то, что имеют. Варенье и печенье – что за вздор! На тех же полках я еще видел коробку начатых мюслей, но в доме больше явно не было другой еды. Отключенный холодильник, слабое электричество, тусклый свет. Сплошная безысходность. И в такой жизни она не отказывает мне в помощи – незнакомцу с улицы, посреди ночи. У нее большое сердце и она невероятно добрый человек. Чем она заслужила подобную жизнь?

«Нет, завтра, прежде чем я продолжу свой путь, я куплю ей продуктов, мы поедем на моей машине и я заплачу за продукты. И мы купим ель, да, именно, так ей не придется снова ехать в город. Это будет самое малое, что я смогу сделать для нее. Решено». Эти слова развеяли последние тревожащие меня мысли перед сном, хотя я еще долго рассуждал об этом всем и многом другом, чем обычно бывают заняты мысли после окончания насыщенного дня, пока перед глазами не начала мелькать дорога, я за рулем, связь с реальностью постепенно притупляется, а значит, я впадаю в сон...

4.

Я удобно устроился на капоте своего авто, опершись спиной на лобовое стекло. Ноги скрестил в позу лотоса, руки протянул вдоль тела ладонями наружу. Глаза закрыты, и я проникаюсь окружающими меня звуками вокруг. Я жадно докуриваю сигарету до самого фильтра, мне не требуется открыть глаза, чтобы убедиться в этом. Нарастающий жар от испепеленного табака все ближе подбирается к моим пальцам, и я выкидываю окурочек прочь.

Момент-другой, и в моих мыслях зарождаются угрызения совести. Что же, по крайней мере, я могу честно ругать себя за содеянное. Это куда лучше, нежели бы я выбросил полсигареты, считая себя реабилитированным в собственных глазах. Мой опыт совершенно точно подсказывает, что рецидив бы был неизбежен в таком случае. Уж лучше совершить проступок и довести его до конца, чем винить себя в содеянном, но незавершенном. Глупо бросать что-либо на полпути, это касается всего без разбора, даже пагубных привычек.

Конечно, не все так безнадежно, выход есть – не начинать того, о чем придется сожалеть. Самобичевание так же плохо сказывается на здоровье человека, как пагубная привычка, сродная курению. В конечном счете, одно порождает другое, цикличность возрастает, связь с реальностью притупляется, и тогда остается один выход – либо признать поражение и жить с этой пагубной привычкой, либо в один момент уничтожить ее.

На то мы и люди, чтобы принимать решения и ошибаться. Зачем винить себя за природу устройства? Иначе было бы скучно жить, полная взлетов и падений жизнь бы превратилась в примитивное существование...

Ну вот, я снова оправдал еще неостывший прах сигареты, недавно томившейся между пальцами.

Я слышу шорох, где-то с поля, совсем неподалеку, где только что исчез окурочек. Там явно кто-то есть. После света фар мои глаза не адаптировались к темноте как следует. Я приподнимаюсь на ладони с целью внимательней наблюдать за контуром поля, чтобы не упустить момента появления нарушителя моего покоя.

Вначале показывается острая морда существа, а затем и все его тело. Он двигается осторожно, он целиком озабочен своей походкой, размышляя в какую сторону ступить и на что ставить свои длинные лапы.

Как только он показывается, лишь на долю секунды мною овладевает паника – от которой человеческое тело немеет, не в способности сдвинуться с места под тяжестью чувства страха. Я не ожидал подобного животного. Собственно, я не ожидал ни с кем встречи, но услышав шорох, я бы без удивления воспринял появление какого-нибудь мелкого существа – мыши, крысы, вероятно даже лисицы. Но ко мне выходит пес – очень уставший с виду. Он больше среднего размера пес однородного окраса, что взбудораживает меня на мгновение, заставляя мозг инстинктивно предположить, что этот зверь хищник. Ясность быстро возвращается ко мне и страх бесследно исчезает так же внезапно, как появился. Это не волк, совершенно точно.

Теперь фары машины горят, я не придаю этому значения, вопреки полной уверенности, что выключал свет. Я лишь воспринимаю это как факт.

Пес решает двинуться напрямиком к дороге и садится напротив меня, так что свет фар ослепляет его. Теперь я могу в деталях рассмотреть его всего. От такой яркости потока он лишь смиренно помаргивает веками, стараясь адаптироваться к свету. Затем он устало и очень сонно зевает, оголяя всю свою пасть, ввергая в ужас мощной челюстью, что покоится за складками его губ. Лишь глаза несут в себе безобидность. Что-то в них крайне завораживающее. Такими глазами обладает разве что старик. Не стоит перечислять, что в них, там застыла вся жизнь.

Правое ухо пса надорвано, кажется, совсем давно. След раны не виден под слоем пыли и грязи, которым покрыта вся шерсть своего обладателя.

Он смотрит на меня, хотя это поразительно, как в такой темноте он может видеть меня сквозь поток света, направленный против него и за которым нахожусь я.

Все это время я испытываю легкую взволнованность, желая наблюдать за ходом событий без вторжения в него.

Пес заговаривает ко мне, я же, вполне удовлетворенный сюрреалистичностью происходящего, лишь отмечаю, что рад собеседнику:

– Посмотри на меня, – пес продолжал жмуриться от света, – я в бездне мрака, но мне не нужен фонарь. Чтобы видеть шире, свет не нужен, он лишь ослепляет, кажется, что вокруг ничего нет – ни этих полей, ни озер, ни звезд. Ты сам ведешь себя в никуда. Не поддавайся потоку света, как не поддавайся обстоятельствам в жизни. Мы все способны видеть больше, чем одну освещенную впереди тропу.

Мне понравилось то, что он говорил, хоть я ничего не ответил.

– Не бойся меня, я не причиню тебе вреда, – голос его звучит спокойно и тихо, но отдается эхом в моей голове, от чего я целиком сосредотачиваю свое внимание на диалоге.

– С чего мне тебя бояться? Ты кажешься добрым, – я смотрю в его глаза.

– Нет, ты не можешь судить о ком-либо по глазам.

Теперь передо мной будто вплотную предстают его глаза. Большие темные зрачки, прозрачные и бездонные, и тонкий ободок розового цвета белков вокруг от бесчисленных красных трещинок сосудов.

– Мутными глаза могут становиться только у людей, – будто прочитав мои мысли, произносит он, добавляя:

– По-настоящему. Только у людей. Бойся их, но не меня.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, преодолев недлительную паузу, ушедшую на размышления над этими словами.

– Я здесь живу, это мой дом. Ночами я выхожу на прогулки и встречаю разных людей.

– Правда? И в этих местах часто кто встречается? Я думал, здесь редко бывают гости.

– Ты прав, редко – но все же случается. Я давно хожу по этой земле, мне встречались разные люди, но все они были похожи в одном, мне приходилось подбирать разные слова, чтобы разговорить их.

– И в чем же эти люди схожи?

– Все они страдают, мучают себя, терзая мыслями свою душу, – немного погодя добавляет, – Счастливый человек не замечает меня, он проходит мимо, но даже увидь он меня, он бы не смог услышать мой голос.

– Я слышу тебя...

– Тебе сейчас плохо, от того ты позвал меня.

– Я? Разве я тебя звал, по-моему, ты пришел сам.

– Ты выбросил окурок в мой дом. Тебе больше никогда не придется думать о нем. Ты докурил сигарету и выбросил окурок – обычное дело. Для кого-то. Ты тотчас же забыл о нем, не придав этому значения. Мне же даже с этого места слышно его запах, и он останется там на годы – то время, что я буду думать о тебе, даже помимо собственной воли. Это твой отпечаток на земле, и след в моей жизни. Всякий раз, как я буду выходить на прогулку, я точно буду знать, где он лежит и как скоро земля поглотит его...

– Извини, я не думал о таких последствиях.

– Последствия самых мелких поступков не дают нам покоя, крупным же нет места в памяти.

– Я сейчас найду его, тебе не придется мириться с моим поступком, – неуверенный в своих силах я все же искренне обещаю приложить все усилия для этого.

– Оставь его, ты ведь понимаешь, что речь идет не о нем. Окурок лишь пример того, как человек совершает глупые поступки, не придавая им должного значения. Того, что случи-

лось по твоей вине, не исправить. Можно лишь изменить последствия. Задача провинившегося принять свои ошибки и научиться жить с ними, как ты принимаешь тот факт, что твой окурочок окажет влияние на мою жизнь. Моя же задача не винить тебя, а принять ход событий таким, каким он сложился для меня. Наша судьба зачастую предначертана другими для нас так же неосознанно, как неосознанно мы влияем на жизни других. Не важно, какую роль ты сейчас исполняешь, главное играть по правилам, чтобы не оказаться вне игры. Ты меня понимаешь? Принять свои ошибки так же трудно, как смириться с подготовленными судьбой испытаниями.

– Но ведь разве есть в этом смысл, мириться с проступками и смиренно отдаться течению жизни? Зачем же мы тогда способны на гораздо больше, мы в силах творить свою судьбу сами.

– Смысл жизни большинства людей состоит в самом его поиске. Ведь без смысла жизнь теряет свою ценность. Но человек ею дорожит, а потому пытается найти смысл даже в том, что его не имеет. Но разве такой ответ устроил бы кого? Потому жизнь незаметно превращается в поиски смысла, приобретая саму суть. Однако ценность прожитой жизни человек способен оценить лишь на ее закате. Я не смогу сейчас ответить тебе яснее – смысла истинно нет нигде, пока ты сам его не создашь. Ты по-своему прав, утверждая, что мы способны на более, чем просто принять свою судьбу. Главное не переоценить свои силы. Мы обладаем мизерными возможностями и не способны свергнуть горы. Не стоит питать иллюзий насчет своих сил, только ясность сможет тебе помочь в жизни. Наша жизнь очень хрупкий механизм, и даже самые чистые намерения усовершенствовать его могут как безвозвратно изменить все – к лучшему или худшему – так и вовсе разрушить. Как взмах крыльев мотылька способен вызвать ураган на другом конце земли, так и любой наш поступок отдается на весь ход событий нашей жизни. Это тончайшая материя, к которой требуется ювелирное отношение. Попытки штурмом изменить что-либо лишь наносят рубцы. Не стоит плести нити жизни слишком усердно, чтобы не оставить затяжек. Картина, изображающая твою жизнь, предначертана и она сама появится на холсте, если ты подготовишь кисти и краски. То, какой ты будешь ее видеть, зависит уже только от тебя. Можно привести еще много метафор, но суть остается одна.

Было сложно понять и тем более принять то, о чем он говорит. Мой собеседник ощущает мои переживания и, словно читая мои мысли, отвечает на мои вопросы, как только они зарождаются у меня в голове, так что я даже не успеваю вымолвить их.

Выслушав его, я решаю спросить:

– К чему ты мне все это говоришь?

– Твои мысли всегда вращаются вокруг этих вопросов, но чем больше ты над ними размышляешь, тем, тебе кажется, дальше от тебя отстраняются ответы. Тебе может не понравиться то, что я намерен донести до тебя, но ты не обязан принять все сейчас, я прошу тебя об одном, не отвергай сразу мои ответы.

Я пристально смотрю на его рваное ухо, тогда пес, скорее ощутив мой взгляд на себе, нежели заметив его, продолжает рассказ:

«Одиночество наш удел. Это не наказание, просто природой устроено так, что каждое существо борется только за себя. Пусть тебя не шокирует то, что оставшись один, ни для тебя, ни для тех, кто создавал иллюзию присутствия рядом, ничего не изменится.

Этот мир справлялся как-то до тебя, и с ним ничего не произойдет без тебя. Ты можешь оборвать все свои связи, забыть друзей, приятелей, уехать на другой конец планеты, и ты будешь существовать так же, как делаешь это здесь. Изменится самая малость – окружение.

Не стоит обижаться на всех за то, что они будут продолжать жить своей жизнью без тебя, ведь тебе так же не будет дела до них. Просто чтобы не переоценить ситуации, нужно реально смотреть на вещи.

Понять, чего ты стоишь и кого с себя представляешь, можно только так, – когда поймешь какие мысли остались с тобой. И тебе придется тяжело осознать, что большая часть твоих мыс-

лей занята теми мелочами, что тебя окружают, тогда как твоему личному "я" будет попросту не хватать места.

Трудно разглядеть, с кем следует водить дружбу, но тебе будет труднее, если придется когда-то разочароваться в поспешном и неверном выборе.

Умение остаться наедине с собой и услышать, чего хочет твое сердце, дано не каждому, но это посильное задание».

«Одиночество наш удел, но не наказание» – этими словами он закончил свой монолог, и не дожидаясь моей последовавшей реакции, продолжает, решив объясниться насчет своих шрамов:

– Нет живого существа на планете преданней, чем собака, это у нас в крови. И я был псом своего хозяина. Я верно служил ему, и считал, что всю жизнь посвящу этой службе. Не мне судить его и его поступки, он стал жестоко со мной обращаться. Я не понимал этих перемен и продолжал вести себя как обычно, пока он не выгнал меня на улицу, не желая больше видеть.

– Но как это произошло, зачем он с тобой так поступил?

– Ты задаешь не те вопросы, как и я когда-то, а следовало спросить, что я делал не так. Но все эти вопросы в тебе провоцируют обида и чувство справедливости. Тебя должно волновать лишь одно – что делать дальше. Не проходит дня, чтобы я не думал о своем хозяине. В моих мыслях он навсегда остался таким, каким я его встретил впервые. И я знаю, что в моем сердце никому не будет отведено места больше. Лишь храня его образ всегда с собой, я способен жить дальше. Я знаю, ты услышал меня. Ты придешь к этому всему сам, как в мире нет места справедливости, так в твоём сердце не должно быть места обидам. Ты знаешь верный путь, осталось лишь ступить на него.

Пес склоняет свою голову так низко, что я могу видеть его лопатки и всю угольного цвета спину. Затем, поднимаясь на задние лапы, он исчезает с виду в мраке ночи.

Я пытаюсь связать все его слова, но чем больше прикладываю усилий, тем больше теряюсь в догадках, что именно он хотел мне сказать. Его метафоры были либо слишком завуалированы, что я был не в состоянии их понять, либо он не пытался соединить все сказанное в единую мысль, просто подкинув мне, о чем поразмыслить. Последнее предположение явно успокоило меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.